УДК 81'1

Е. Н. Василенко

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

**«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ КОНФЛИКТОВ,
ОСНОВАННЫХ НА СТЕРЕОТИПАХ**

Актуальность исследования феномена «языка вражды» в современной гуманитаристике сложно переоценить. «Язык вражды» как форма манифестации враждебности по отношению к определенным социальным группам несет в себе значительную социальную опасность, так как может быть формой проявления того или иного вида дискриминации или нетерпимости и приводить к развитию социальных конфликтов разного уровня. В основе «языка вражды» лежат социальные предубеждения и стереотипы, что обуславливает необходимость его изучения в качестве формы проявления конфликтов, основанных на стереотипах.

В статье «язык вражды» рассматривается с позиций лингвоконфликтологии. Уделяется внимание понятию лингвоправовых конфликтов, или речевых преступлений, составляющей которых может быть «язык вражды», понимаемый как совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях, отношение к адресату – носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости. Рассматриваются стереотипы как основа процесса социальной категоризации. Делается вывод о том, что «язык вражды» как форма проявления межгрупповых конфликтов, основанных на стереотипах, в отличие от вербальной агрессии, может иметь более «мягкий» характер, всегда направлен на определенную социальную группу и базируется на универсальной семиотической оппозиции *свой – чужой*. «Язык вражды» признается непосредственной составляющей интолерантного дискурса.

Ключевые слова: «язык вражды», конфликт, лингвоконфликтология, речевое преступление, стереотип, предубеждение, социальная группа, вербальная агрессия, интолерантный дискурс, дискурс вражды.

Для цитирования: Василенко Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатеchnологии. 2021. №. 2 (244). С. 90–97.

E. N. Vasilenko

Mogilev State A. Kuleshov University

**HATE SPEECH AS A FORM OF MANIFESTATION
OF CONFLICTS BASED ON STEREOTYPES**

The relevance of hate speech studies in modern humanities can hardly be overestimated. Hate speech as a form of manifestation of hostility towards certain social groups carries a significant social danger, since it can be an indicator of discrimination or intolerance and lead to the development of social conflicts of different levels. Hate speech is always based on social prejudices and stereotypes, which makes it necessary to study it as a form of manifestation of conflicts based on stereotypes.

The article considers hate speech from the standpoint of linguoconflictology. Special attention is paid to the concept of speech crimes, hate speech being their immediate component. Hate speech is understood as a set of language means expressing negative, based on stereotypes or prejudices, attitude towards the addressee as a carrier of values different from those of the addresser and, as a result, verbalizing one or another type of discrimination or intolerance. Stereotypes are viewed as the basis of the process of social categorization. It is concluded that hate speech as a form of manifestation of intergroup conflicts based on stereotypes – in contrast to verbal aggression – can possess a “milder” character, is always aimed at a certain social group and is based on the fundamental semiotic opposition ‘*we*’ versus ‘*other*’. Hate speech is recognized as an immediate component of intolerant discourse.

Key words: hate speech, conflict, speech, linguoconflictology, speech crime, stereotype, prejudice, social group, verbal aggression, intolerant discourse, discourse of hate.

For citation: Vasilenko E. N. Hate speech as a form of manifestation of conflicts based on stereotypes. *Proceedings of BSTU, issue 4, Print- and Mediatechnologies*, 2021, no. 2 (244), pp. 90–97 (In Russian).

Введение. Изучение «языка вражды» (*hate speech*) как формы манифестации враждебности по отношению к определенным социальным группам представляет собой одну из наиболее

актуальных проблем не только лингвистики, но и смежных с ней дисциплин [1, 2]. Наиболее широкое освещение в научных исследованиях это явление получило в последние два десятилетия.

Так, проведенный в 2020 г. количественный и качественный анализ публикаций, представленных в базе *Web of Science*, выявил, что объем научных работ на данную тематику неуклонно возрастает с 2006 г. [3, р. 4].

Метафорически можно утверждать, что «язык вражды» представляет собой своего рода бич современного общества. Как правило, «язык вражды» направлен на социальные группы, выделяемые на основании врожденных или неизменяемых, т. е. так называемых неотъемлемых характеристик (*protected characteristics*), например, происхождения [4, 5, 6], расы [7, 8, 9], пола, гендера или гендерной идентичности [10, 11, 12, 13, 14]. В основе «языка вражды» всегда лежит исторический стереотип о более низком статусе той или иной группы [15, р. 101]. Негативные стереотипы и предубеждения могут приводить к развитию социальных фобий и, как следствие, социальных межгрупповых конфликтов, что обуславливает необходимость изучения «языка вражды» в качестве формы проявления конфликтов, основанных на стереотипах.

Основная часть. Лингвоконфликтология выделяется в отдельное исследовательское направление в конце XX в. в связи с «демократизацией» публичных форм коммуникации, снятием ограничений, негласно установленных в былые времена для массмедиа» [16, с. 296]. В центре внимания лингвистической, или речевой, конфликтологии находятся речевые (языковые, коммуникативные – в различной терминологии) конфликты, понимаемые как «состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в процессе которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» [17, с. 145].

Н. Д. Голев пишет, что лингвоконфликтология «есть базовая лингвистическая дисциплина, объединяющая язык и право на их глубинном уровне, поскольку и в том и другом конфликтность составляет сущностное свойство» [18, с. 137].

Т. В. Чернышова выделяет три группы ограничений, которые предупреждают реализацию конфликтного потенциала языка: 1) морально-этические, зафиксированные в национальных пословицах, афоризмах, крылатых словах; 2) естественно-языковые, формируемые и устанавливаемые как языковые нормы и нормы речевого поведения, регулирующие правила употребления языка в разных сферах общения; 3) правовые, регулируемые законодательством и вступающие в силу в тех случаях, когда конфликт не предотвращен другими способами [19, с. 2].

Правовые аспекты речевой деятельности – а именно возникающие лингвоправовые конфликты – регулируются рядом законодательных документов. Вслед за Е. С. Кара-Мурзой полагаем,

что лингвоправовой конфликт и речевое преступление – это «один и тот же феномен, рассматриваемый под разными названиями в разных дисциплинах: как лингвоправовой конфликт – в лингвоконфликтологии и в юрислингвистике; как языковое / речевое преступление – в лингвоэкспертологии» [20, с. 21].

Лингвоправовые конфликты, или речевые преступления, – «острые формы словесного конфликта, интерпретированные через призму закона» [21, с. 57]. Такие правонарушения (например, унижение чести, достоинства и деловой репутации, оскорбление, клевета и др.) совершаются «посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, то есть текстов, распространяемых в средствах массовой информации. В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем) заключен сам *Corpus delicti*, все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушений по делам этой категории не существует, и только текст является главным предметом исследования и юридической оценки» [22, с. 104].

Отдельный вид лингвоправовых конфликтов составляют речевые преступления, совершаемые на почве ненависти или вражды. Они являются разновидностью уголовных деяний, мотивированных предубеждением: «Именно данный мотив отличает преступления на почве ненависти от других видов преступлений. Преступление на почве ненависти – это не какое-либо одно, конкретное правонарушение. Это может быть акт угрозы, применение угроз, причинение ущерба имуществу, нападение, убийство или любое другое уголовное деяние» [23, с. 18].

Таким образом, в преступлениях на почве ненависти выделяются два компонента: подпадание под действие уголовного права и наличие мотива предубеждения. Оставив вне поля нашего внимания первый компонент как относящийся к сфере юриспруденции и лингвоэкспертологии, остановимся подробнее на предубеждениях и стереотипах, приводящих к разного рода – не только уголовно-правовым – социальным межгрупповым конфликтам.

Организующей конфликтного взаимодействия выступает категория толерантности: «Вопросы толерантности возникают только в ситуации конфликта, или – шире – разногласий. [...] Если конфликт или разногласия между субъектами отсутствуют, т. е. одному из субъектов взаимодействия нет дела до ценностей другого, то следует говорить о безразличии – категория толерантности не является организующей такого взаимодействия» [24, с. 19].

Л. П. Крысин выделяет несколько факторов, которые могут влиять на степень толерантности

партнеров по речевой коммуникации, а именно: общность языкового кода, общность апперцепционной базы, принадлежность к одной социальной общности, «своя» – «чужая» среда общения, расположенность партнеров коммуникации к общению друг с другом, а также ряд ситуативных факторов. Интерес для нашего исследования представляет фактор принадлежности к одной социальной общности: «Как правило, разные социальные группы имеют собственные системы ценностей, иногда значительно отличающиеся друг от друга: то, что в одной социальной среде оценивается положительно, в другой может восприниматься как отрицательное или не иметь никакой оценки» [25, с. 29].

Особенностью процесса социальной категоризации является уникальная природа социальных категорий, которые имеют размытые границы и являются абстрактными и изменчивыми: «Так, практически любой предмет, имеющий небольшой размер, четыре ножки и столешницу, может быть безошибочно категоризирован как «стол». В условиях СК [социальной категоризации – Е. В.] достаточно сложно спонтанно отнести кого-то к “зеленым” или к “христианам”, так как нам часто неизвестно, какие именно признаки позволяют поместить человека в ту или иную категорию. Категоризация объектов в социальные категории носит скорее вероятностный характер» [26, с. 115].

К основным функциям социальной категоризации относятся функция экономии когнитивных ресурсов и напрямую связанная с ней функция упрощения сложного мира [27]. Реализация этих функций осуществляется благодаря процессу активации социальных стереотипов, которая может быть как автоматической, так и мотивированной. Автоматическая активация имеет место в случае, когда стереотип возникает в сознании произвольно, т. е. без каких-либо усилий или осознанных мыслей: под влиянием контекста, предубеждений или ввиду когнитивной загруженности [28, р. 128–134]. В случае мотивированной активации процессу способствуют мотивы и цели людей, т. е. стереотипы активируются для достижения человеком какой-либо цели, если их применение может ей поспособствовать, а в случаях, когда применение стереотипа может помешать достижению цели, активация стереотипа блокируется [29, р. 524].

Важнейший, на наш взгляд, аспект из вышеперечисленных – это влияние предубеждений на формирование стереотипов. Предубеждения представляют собой древнейшую форму когнитивного освоения мира человеком [30, р. 173]. Социальные предубеждения, возникшие в ходе развития социальных отношений, и социальные стереотипы практически всегда неразрывно связаны:

предубеждения поддерживают стереотипы, а стереотипы, в свою очередь, способствуют сохранению предубеждений. Предубеждения берут начало от мотивационного импульса: «То есть причина, по которой у человека закрепляются стереотипные представления и удерживаются негативные чувства по отношению к другой группе, состоит в том, чтобы достичь своих собственных психологических целей. Более конкретно, мы недолюбливаем других, чтобы быть более высокого мнения о самих себе» [31, с. 77].

Стереотипы выполняют три важнейшие функции: когнитивную (способствуют быстрой категоризации других людей); функцию самозащиты ‘ego-defensive function’ (защищают Я-концепцию индивида от внутренних и внешних угроз) и функцию социальной адаптации (помогают индивиду «вписаться» в свою социальную группу) [28, р. 103–104].

Активация стереотипов в процессе социальной категоризации имеет как положительные, так и – в основном – отрицательные последствия. Еще в 1922 г. У. Липпман писал, что стереотипы представляют собой своего рода картинки социальных групп в нашей голове (‘pictures in our heads’) [32]. Роль стереотипов в социальных суждениях настолько велика, что Дж. Барг назвал их «когнитивными монстрами» (‘cognitive monsters’) [33].

Ключевое значение для процесса социальной категоризации имеет противопоставление своей и чужой социальной группы (ингруппа и аутгруппа соответственно): люди проявляют благосклонное отношение к членам своей группы и предубеждения в отношении членов чужой социальной группы. Так, например, психологи установили, что мы склонны видеть людей, принадлежащих к одной и той же социальной группе, более похожими, чем они есть на самом деле, а людей из разных социальных групп – более разными, чем они есть на самом деле [34, р. 521]. Тенденция видеть членов социальных групп похожими друг на друга особенно сильна для членов аутгрупп, что приводит к так называемому эффекту однородности чужой группы (‘outgroup homogeneity’) – тенденции рассматривать членов чужих групп как более похожих друг на друга, чем членов своей группы [35, 1986].

Таким образом, стереотипы как упрощенные образы социальных групп лежат в основе процесса социальной категоризации. Опасность такого когнитивного упрощения заключается в том, что негативные стереотипы и предубеждения могут приводить к возникновению межгрупповых конфликтов, в том числе социально-политических [36]. Т. Нельсон пишет: «Фактически все войны, сражения и другие акты группового насилия на протяжении всей истории человечества

являлись результатом разного рода предрассудков, стереотипов или дискриминации» [31, с. 16].

Важнейшей формой проявления межгрупповых конфликтов, основанных на стереотипах, является «язык вражды».

«Язык вражды» как объект изучения представляет собой достаточно новое явление в мировой гуманитаристике, в связи с чем его, как правило, не причисляют к формам конфликта (ср., однако, [37]). Например, А. К. Зайцев, помимо сложных форм борьбы, а именно протеста, бунта, революции и войны, выделяет четыре простые формы: бойкот, саботаж, травлю, физическую и – что важно для нашего исследования – словесную агрессию. Вербальная агрессия, по замечанию автора, представляет собой форму конфликта, которая «состоит в выдвижении обвинений, оскорблениях, распространении сплетен, неблагоприятных оценок и мнений с целью дискредитации противника в глазах общественного мнения. Все это может проводиться открыто, например, в форме “черной пропаганды” или исподтишка при помощи слухов и сплетен. Чаще всего то и другое используется одновременно» [38, с. 117].

Такое определение словесной агрессии в целом соотносится с нашим пониманием «языка вражды» как совокупности языковых средств, выражающих негативное отношение говорящего к адресату. Однако несмотря на то, что в некоторых лингвистических исследованиях отмечается, что данные термины могут рассматриваться как синонимичные (например, И. Дзялошинский пишет, что «более или менее точным эквивалентом чересчур метафорического понятия “язык вражды” является термин “речевая агрессия”» [39, с. 168], а Л. В. Енина даже использует в качестве синонимов термины «интолерантность» и «речевая агрессия» [40, с. 151]), или что «язык вражды» представляет собой одну из форм речевой агрессии [41, с. 22–23; 42, с. 101], подчеркнем, что понятие «языка вражды» не эквивалентно понятию вербальной агрессии по двум причинам.

Во-первых, агрессивное поведение «может проистекать из чувства враждебности, мотивироваться им, но само этим чувством не является. Враждебность еще не есть агрессия [...]» [43, с. 255]. Враждебное отношение к адресату не обязательно проявляется в агрессивном поведении,

в том числе речевом: оно может принимать более «мягкие» формы.

Во-вторых, субъектом и объектом речевой агрессии может выступать человек или группа людей безотносительно их принадлежности к какой-либо социальной группе, в то время как «язык вражды» всегда направлен на определенную социальную группу и базируется на универсальной семиотической оппозиции *свой – чужой*.

Определение «языка вражды» с такой позиции выглядит следующим образом: «язык вражды» – совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях, отношение к адресату – носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости [2, 6, 12, 13, 14, 36, 44].

В целом мы полагаем, что речевая агрессия и «язык вражды» находятся между собой в тех же отношениях, что и типы дискурсов, формой проявления которых они являются, а именно конфликтного дискурса и интолерантного дискурса соответственно.

Заключение. Речевые преступления, совершаемые на почве ненависти или вражды, составляют отдельный вид лингвоправовых конфликтов. Такого рода правонарушения мотивированы предубеждением, т. е. они возникают в ходе или результате социальных конфликтов, причиной развития которых являются предубеждения или стереотипы об отдельных социальных группах. Социальные стереотипы влияют на восприятие человеком представителей «своей» и «чужой» социальных групп и носят оценочный характер: как правило, «своя» группа оценивается положительно, а «чужая» – отрицательно. Способы и средства вербализации враждебности в отношении отдельных социальных групп получили в мировой гуманитаристике обобщенное название «язык вражды». «Язык вражды» как форма проявления межгрупповых конфликтов, основанных на стереотипах, в отличие от вербальной агрессии, может иметь более «мягкий» характер, всегда направлен на определенную социальную группу и базируется на универсальной семиотической оппозиции *свой – чужой*. «Язык вражды» является непосредственной составляющей интолерантного дискурса.

Список литературы

1. Василенко Е. Н. «Язык вражды» как предмет научного анализа и как социальный феномен (теоретическое обоснование перспектив исследования) // Филология и человек. 2019. № 4. С. 136–145.
2. Vasilenko E. Online hate speech in Belarus: Highlighting the topical issues // Zeitschrift für Slawistik. 2021. Vol. 66, issue 4. P. 1–20. DOI: 10.1515/slav-2021-0026.
3. Paz M. A., Montero-Díaz J., Moreno-Delgado A. Hate Speech: A Systematized Review // SAGE Open. 2020. No. 10. P. 1–12. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244020973022> (accessed: 23.05.2021). DOI: 10.1177/2158244020973022.

4. Assimakopoulos S., Baider F. H., Millar S. Online hate speech in the European Union: a discourse-analytic perspective. Cham: Springer, 2017. 90 p.
5. Pejchal V. Hate speech regulation in post-communist countries: Migrant crises in the Czech and Slovak Republics // *International journal for crime, justice and social democracy*. 2018. Vol. 7, issue 2. P. 58–74. URL: <https://www.crimejusticejournal.com/article/view/905/668> (accessed: 23.05.2021). DOI: 10.5204/ijcsd.v7i2.500.
6. Василенко Е. Ксенофобская риторика: тематическая организация интолерантного дискурса // *Філологічні студії. Науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету*. 2020. Вип. 21. С. 123–132.
7. Ortiz S. M. “You can say I got desensitized to it”: How men of color cope with everyday racism in online gaming // *Sociological perspectives*. 2019. Vol. 62, issue 4. P. 572–588. DOI: 10.1177/0731121419837588.
8. Graham R. Race, social media, and deviance // *The Palgrave handbook of international cybercrime and cyberdeviance* / ed. by T. J. Holt, A. M. Bossler. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 67–90.
9. Hill A. Free speech v. free blacks: Racist policing and calls to harm // *First amendment studies*. 2020. Vol. 54, issue 2. P. 190–196. DOI: 10.1080/21689725.2020.1837655.
10. Mason-Bish H., Duggan M. ‘Some men deeply hate women, and express that hatred freely’: Examining victims’ experiences and perceptions of gendered hate crime // *International review of victimology*. 2020. Vol. 26, issue 1. P. 112–134. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0269758019872903> (accessed: 23.05.2021). DOI: 10.1177/0269758019872903.
11. Oliva T. D., Antonialli D. M., Gomes A. Fighting hate speech, silencing drag queens? Artificial intelligence in content moderation and risks to LGBTQ voices online // *Sexuality & culture*. 2021. Vol. 25. P. 700–732. DOI: 10.1007/s12119-020-09790-w.
12. Vasilenko E. Gender-biased hate speech functioning in media: factor-production specifics (a Belarusian case study) // *Discourse linguistics and beyond*. Vol. 5, Types of discourses via applied research / ed. by I. Oukhvanova, J. Senderska. Kielce: UJK, 2019. P. 119–133.
13. Vasilenko E. Sexist hate speech: Topical organization of intolerant discourse // *Językoznawstwo*. 2020. No. 14. P. 47–60. DOI: 10.25312/2391-5137.14/2020_03ev.
14. Василенко Е. Гендерно обусловленный «язык вражды» в Беларуси: факторы и специфика // *Філологічні студії. Науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету*. 2019. Вип. 20. С. 21–28.
15. Lakoff, R. T. The language war. Berkeley: Univ. of California Press, 2000. 322 p.
16. Шаронов И. А., Козодаева М. Невежливость и «антивежливость»: две мишени речевого этикета // *Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 23–24 окт. 2018 г. М., 2018. С. 292–299.*
17. Третьякова В. С. Конфликт как феномен языка и речи // *Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры*. 2003. № 27. С. 143–152.
18. Голев Н. Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // *Юрислингвистика*. 2008. № 9. С. 137–156.
19. Чернышова Т. В. Лингвоконфликтология: новые возможности формирования компетенций магистров журналистики // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2015. № 1 (1). С. 1–4. URL: <https://www.novsu.ru/file/1147339> (дата обращения: 18.07.2021).
20. Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание*. 2020. Вип. 19. № 1. С. 18–27.
21. Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология как направление в духе экологии языка // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2014. № 2. С. 55–68.
22. Ратинов А. Р. Послесловие юриста. «Когда не стесняются в выражениях...» // *Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами*. М., 2004. С. 101–116.
23. Законодательство против преступлений на почве ненависти: Практическое руководство / БДИПЧ ОБСЕ. Варшава: Polygrafus Andrzej Adamiak, 2009. 82 с. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/1/36427.pdf> (дата обращения: 18.07.2021).
24. Михайлова О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации* / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. С. 15–26.
25. Крысин Л. П. Толерантность как социолингвистическая категория // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации* / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. С. 27–32.
26. Агадуллина Е. Р. Социальная категоризация: представления об объекте и специфике процесса // *Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология*. 2008. № 1. С. 114–120.

27. Fiske S. T., Neuberg S. L. A continuum of impression formation, from category-based to individuating processes: Influences of information and motivation on attention and interpretation // *Advances in experimental social psychology*. New York, 1990. Vol. 23. P. 1–74. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60317-2.
28. Whitley B. E. Jr., Kite M. E. The psychology of prejudice and discrimination. Wadsworth: Cengage Learning, 2010. 692 p.
29. Kunda Z., Spencer S. J. When do stereotypes come to mind and when do they color judgment? A goal-based theoretical framework for stereotype activation and application // *Psychological bulletin*. 2003. Vol. 129. P. 522–544. DOI: 10.1037/0033-2909.129.4.522.
30. Astafurova T. N., Olyanich A. V. Semiolinguistics of protective communication // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 2, Языкознание. 2019. Вып. 18, № 3. С. 172–181.
31. Нельсон Т. Психология предубеждений. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.
32. Lippmann W. The world outside and the pictures in our heads // *Public opinion*. 1922. P. 3–32.
33. Bargh J. The cognitive monster: The case against the controllability of automatic stereotype effects // *Dual process theories in social psychology* / ed. by S. Chaiken, Y. Trope. New York: Guilford Press, 1999. P. 361–382.
34. Stangor C., Jhangiani R., Tarry H. Principles of Social Psychology. Minneapolis: Open Textbook Library, 2014. 553 p. URL: <http://uils.unsyiah.ac.id/oer/files/original/0580db2c157c3861211191e6b9b4f83e.pdf> (accessed: 23.08.2021).
35. Linville P. W., Salovey P., Fischer G. W. Stereotyping and perceived distributions of social characteristics: An application to ingroup-outgroup perception // *Prejudice, discrimination and racism* / ed. by J. F. Dovidio, S. L. Gaertner. Orlando, FL: Academic Press, 1986. P. 165–208.
36. Василенко Е. «Язык вражды» как форма проявления социально-политического конфликта // *Коммуникация в эпоху протестов* / под ред. Х. Куссе. Берлин: Peter Lang, 2021. С. 9–23.
37. Хроменков П. Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2016. 405 л.
38. Зайцев А. К. Социальный конфликт. М.: Academia, 2001. 461 с.
39. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы // *Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет*. Чебоксары, 2019. С. 168–182.
40. Енина Л. В. Этническая интолерантность в отражении уральских газет // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации* / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург, 2004. С. 150–164.
41. Kuße H. Aggression und Argumentation. Mit Beispielen aus dem russisch-ukrainischen Konflikt. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. 230 p.
42. Кирдун А. А., Андреева А. В. Язык вражды в современной массовой коммуникации Беларуси // *Вестник Минского государственного лингвистического университета*. Сер. 1, Филология. 2017. № 6 (91). С. 100–110.
43. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009. 576 с.
44. Василенко Е. Н. «Язык вражды»: к определению термина // *Романовские чтения – 13: сб. статей Междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию МГУ имени А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 окт. 2018 г. Могилев*, 2019. С. 126–127.

References

1. Vasilenko E. N. Hate speech as an object of scientific research and as a social phenomenon (theoretical grounding of research prospects). *Filologiya i chelovek* [Philology and Person], 2019, no. 4, pp. 136–145 (In Russian).
2. Vasilenko E. Online hate speech in Belarus: Highlighting the topical issues. *Zeitschrift für Slawistik*, 2021, vol. 66, issue 4, pp. 1–20. DOI: 10.1515/slav-2021-0026.
3. Paz M. A., Montero-Díaz J., Moreno-Delgado A. Hate Speech: A Systematized Review. *SAGE Open*, 2020, no. 10, pp. 1–12. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244020973022> (accessed 23.05.2021). DOI: 10.1177/2158244020973022.
4. Assimakopoulos S., Baider F. H., Millar S. *Online hate speech in the European Union: a discourse-analytic perspective*. Cham, Springer Publ., 2017. 90 p.
5. Pejchal V. Hate speech regulation in post-communist countries: Migrant crises in the Czech and Slovak Republics. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 2018, vol. 7, issue 2, pp. 58–74. Available at: <https://www.crimejusticejournal.com/article/view/905/668> (accessed 23.05.2021). DOI: 10.5204/ijcsd.v7i2.500.
6. Vasilenko E. Xenophobic rhetoric: Thematic organization of intolerant discourse. *Filologichni studii. Naukoviy visnik Krivoriz'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu* [Philological Studies: Scientific Bulletin of Kryvyi Rih State Pedagogical University], 2020, issue 21, pp. 123–132 (In Russian).

7. Ortiz S. M. "You can say I got desensitized to it": How men of color cope with everyday racism in online gaming. *Sociological Perspectives*, 2019, vol. 62, issue 4, pp. 572–588. DOI: 10.1177/0731121419837588.
8. Graham R. Race, social media, and deviance. In: Holt T. J., Bossler A. M. (eds.) *The Palgrave handbook of international cybercrime and cyberdeviance*. Cham, Palgrave Macmillan Publ., 2020, pp. 67–90.
9. Hill A. Free speech v. free blacks: Racist policing and calls to harm. *First Amendment Studies*, 2020, vol. 54, issue 2, pp. 190–196. DOI: 10.1080/21689725.2020.1837655.
10. Mason-Bish H., Duggan M. 'Some men deeply hate women, and express that hatred freely': Examining victims' experiences and perceptions of gendered hate crime. *International Review of Victimology*, 2020, vol. 26, issue 1, pp. 112–134. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0269758019872903> (accessed 23.05.2021). DOI: 10.1177/0269758019872903.
11. Oliva T. D., Antonialli D. M., Gomes A. Fighting hate speech, silencing drag queens? Artificial intelligence in content moderation and risks to LGBTQ voices online. *Sexuality & Culture*, 2021, vol. 25, pp. 700–732. DOI: 10.1007/s12119-020-09790-w.
12. Vasilenko E. Gender-biased hate speech functioning in media: factor-production specifics (a Belarusian case study). In: Oukhvanova I., Senderska J. (eds.) *Discourse linguistics and beyond. Vol. 5: Types of discourses via applied research*. Kielce, UJK Publ., 2019, pp. 119–133 (In English).
13. Vasilenko E. Sexist hate speech: Topical organization of intolerant discourse. *Językoznawstwo*, 2020, no. 14, pp. 47–60. DOI: 10.25312/2391-5137.14/2020_03ev.
14. Vasilenko E. Gender-based hate speech in Belarus: Factors and specifics. *Filologichni studii. Naukoviy visnik Krivoriz'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu* [Philological Studies: Scientific Bulletin of Kryvyi Rih State Pedagogical University], 2019, issue 20, pp. 21–28 (In Russian).
15. Lakoff R. T. *The language war*. Berkeley, Univ. of California Press Publ., 2000. 322 p.
16. Sharonov I. A., Kozodaeva M. Impoliteness and "anti-politeness": two targets of speech etiquette. *Materialy Mezhdunar. nauch. konf. "Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii"* [Proceedings of the International Scientific Conference "Politeness and anti-politeness in Language and communication"]. Moscow, 2018, pp. 292–299 (In Russian).
17. Tret'yakova V. S. Conflict as a phenomenon of language and speech. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [News Ural Federal University Journal], series 1, Problems of Education, Science and Culture, 2003, no. 27, pp. 143–152 (In Russian).
18. Golev N. D. The legitimization of language conflicts as the basis of their typology. *Yurislingvistika* [Legal linguistics], 2008, no. 9, pp. 137–156 (In Russian).
19. Chernyshova T. V. Linguoconflictology: new opportunities for the formation of competencies of Masters of Journalism. *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of Novgorod State University], 2015, no. 1 (1), pp. 1–4 (In Russian). Available at: <https://www.novsu.ru/file/1147339> (accessed 18.07.2021).
20. Kara-Murza E. S. Linguoconflictology and conflicts in the Russian media space (double case analysis). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of Volgograd State University], series 2, Linguistics, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 18–27 (In Russian).
21. Kara-Murza E. S. Linguoconflictology as a direction in the spirit of language ecology. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2014, no. 2, pp. 55–68 (In Russian).
22. Ratinov A. R. The lawyer's afterword. "When they are not shy in their expressions...". In: Simonov A. K., Gorbanevskiy M. V. (eds.) *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii. Spornyye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami* [Concepts of honour, dignity and business reputation. Controversial media texts and problems of their analysis and evaluation by lawyers]. Moscow, 2004, pp. 101–116 (In Russian).
23. *Zakonodatel'stvo protiv prestupleniy na pochyve nenavisti: Prakticheskoye rukovodstvo* [Hate crime laws: A practical guide]. ODIHR. Warsaw, Polygrafus Andrzej Adamiak Publ, 2009. 82 p. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/1/36427.pdf> (accessed 18.07.2021).
24. Mikhaylova O. A. Tolerance in speech communication: cognitive, pragmatic and ethical grounds. *Kul'turnyye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* [Cultural practices of tolerance in speech communication]. Ekaterinburg, 2004, pp. 15–26 (In Russian).
25. Krysin L. P. Tolerance as a sociolinguistic category. *Kul'turnyye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* [Cultural practices of tolerance in speech communication]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ., 2004, pp. 27–32 (In Russian).
26. Agadullina E. R. Social categorization: ideas about the object and the specifics of the process. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Bulletin], series 14, Psychology, 2008, no. 1, pp. 114–120 (In Russian).
27. Fiske S. T., Neuberg S. L. A continuum of impression formation, from category-based to individuating processes: Influences of information and motivation on attention and interpretation. *Advances in experimental social psychology*. New York, 1990, vol. 23, pp. 1–74. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60317-2.

28. Whitley B. E. Jr., Kite M. E. *The psychology of prejudice and discrimination*. Wadsworth, Cengage Learning Publ., 2010. 692 p.
29. Kunda Z., Spencer S. J. When do stereotypes come to mind and when do they color judgment? A goal-based theoretical framework for stereotype activation and application. *Psychological bulletin*, 2003, vol. 129, pp. 522–544. DOI: 10.1037/0033-2909.129.4.522.
30. Astafurova T. N., Olyanich A. V. Semiolinguistics of protective communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of Volgograd State University], series 2, Linguistics, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 172–181 (In Russian).
31. Nelson T. *The psychology of prejudice*. New York, Allyn & Bacon, 2002. 308 p. (Russ. ed.: Nel'son T. *Psikhologiya predubezheniy*. St. Petersburg, Praym-Evroznak Publ., 2003. 384 p.)
32. Lippmann W. The world outside and the pictures in our heads. *Public opinion*. 1922, pp. 3–32 (In English).
33. Bargh J. The cognitive monster: The case against the controllability of automatic stereotype effects. *Dual process theories in social psychology*. New York, Guilford Press Publ., 1999, pp. 361–382.
34. Stangor C., Jhangiani R., Tarry H. *Principles of Social Psychology*. Minneapolis, Open Textbook Library, 2014. 553 p. Available at: <http://uilis.unsyiah.ac.id/oer/files/original/0580db2c157c3861211191e6b9b4f83e.pdf> (accessed 23.08.2021).
35. Linville P. W., Salovey P., Fischer G. W. Stereotyping and perceived distributions of social characteristics: An application to ingroup-outgroup perception. *Prejudice, discrimination and racism*. Orlando, FL, Academic Press Publ., 1986, pp. 165–208.
36. Vasilenko E. Hate speech as a manifestation of socio-political conflict. *Kommunikatsiya v epokhu protestov* [Communication in the era of protests], 2021, pp. 9–23 (In Russian).
37. Khromenkov P. N. *Lingvopragmatika konflikta: issledovaniya metodom kolichestvennogo kontent-analiza. Dis. ... dokt. filol. nauk* [Linguopragmatics of conflict: research by the method of quantitative content analysis. Diss. DSc (Philosophy)]. Moscow, 2016. 405 p.
38. Zaytsev A. K. *Sotsial'nyy konflikt* [Social conflict]. Moscow, Academia Publ., 2001. 461 p.
39. Dzyaloshinskiy I. M. Dzyaloshinskaya M. I. Images of enmity in the Russian mass media: social, cultural, professional factors. *Rossiyskiye SMI: kak sozdayetsya obraz vraga. Stat'i raznykh let* [Russian mass media: how the image of the enemy is created. Articles of different years]. Cheboksary, 2019, pp. 168–182 (In Russian).
40. Enina L. V. Ethnic tolerance in the reflection of the Ural dialects. *Kul'turnyye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* [Cultural practices of tolerance in speech communication]. Ekaterinburg, 2004, pp. 150–164 (In Russian).
41. Kuße H. Aggression und Argumentation. Mit Beispielen aus dem russisch-ukrainischen konflikt [Aggression and reasoning. With examples from the Russian-Ukrainian conflict]. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 2019. 230 p.
42. Kirdun A. A., Andreeva A. V. Hate speech in modern mass communication in Belarus. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Minsk State Linguistic University], series 1, Philology, 2017, no. 6 (91), pp. 100–110 (In Russian).
43. Il'in E. P. *Psikhologiya obshcheniya i mezhluchnostnykh otnosheniy* [Psychology of communication and interpersonal relations]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 576 p.
44. Vasilenko E. N. Hate speech: to the definition of the term. *Sbornik statey Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoy 105-letiyu MGU imeni A. A. Kuleshova "Romanovskiy chteniya – 13"* [Collection of articles of the International Scientific Conference, dedicated to 105th anniversary of Mogilev State A. Kuleshov University "Romanov readings – 13"], Mogilev, 2019, pp. 126–127 (In Russian).

Информация об авторе

Василенко Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики. Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (212022, г. Могилев, ул. Космонавтов, 1, Республика Беларусь). E-mail: e.n.vasilenko@gmail.com

Information about the author

Vasilenko Ekaterina Nikolayevna – PhD (Philology), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Theoretical and Applied Linguistics. Mogilev State A. Kuleshov University (1, Kosmonavtov str., 212022, Mogilev, Republic of Belarus). E-mail: e.n.vasilenko@gmail.com

Поступила 10.09.2021